

УДК 070

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖАНР: ПРИРОДА И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

© 2013 Л.Е. Кройчик

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 августа 2013 года

Аннотация: Автор рассматривает актуальные вопросы теории публицистики: место жанра в публицистическом творчестве, характер выражения авторской позиции в публицистическом произведении, систему взаимоотношений автора с аудиторией, эффективность воздействия публицистического произведения на аудиторию.

Ключевые слова: жанр, публицистика, функция, форма, содержание, природообразующие признаки, аудитория, произведения, текст.

Abstract: The author dwells on the acute problems of the publicistic theory: the placement of the genre in publicistics, the character of expressing an author's point of view in a publicistic piece, the system of an author's interrelations with the audience, the impact efficiency of a publicistic piece on the audience.

Key Words: Genre, Publicistics, Function, Form, Content, Formative Attributes, Audience, Writing, Text.

Начну с определения: «Жанр – тип эстетической организации жизненного материала, обладающий рядом устойчивых признаков и определяющий взгляд автора на окружающую действительность.

В жанре пересекаются три смысловых уровня: уровень реальности, уровень авторской обработки этой реальности и уровень восприятия аудиторией реальности, запечатленной в публицистическом произведении.

Взаимодействия друг с другом, эти уровни придают публицистическому произведению целостность, которая позволяет увидеть в каждом жанре общие типологические признаки:

Жанр – это особая форма организации диалога автора с аудиторией.

Жанр – это всегда дискурс, т. е. авторское целеполагание, актуализирующее диалог с аудиторией по проблемам, требующим публичного обсуждения.

Жанр – это особый тип нарратива, суть которого состоит в организации повествования, максимально воздействующего на аудиторию.

Жанр – это всегда эстетический феномен, создающий закономерную картину действительности.

Особое свойство жанра – его антиэнтропийность, то есть способность смысловую значимость благодаря постоянному обновлению смысла повествования, в нем заключенного.

Документальная основа публицистического жанра не отменяет его смысловую неисчер-

паемости, ибо на реальные факты, проблемы, процессы, зафиксированные в реальности сопровождаются постоянным обновлением оценок происходящего.

Жанр – знак динамического обновления взаимоотношений творца (художника, публициста) с определяющим его миром.

Жанры как люди: рождаются, развиваются, обновляются, одряхлевают, умирают, для того, чтобы со временем вновь явиться в свет.

Можно выделить пять причин, объясняющих этот процесс:

1. Автор как субъект публицистического высказывания стремится объективно зафиксировать суть происходящего в конкретных сообщениях, передаваемых по каналам СМИ.

Так формируется предметная основа любого жанра.

2. Потребность высказаться рождает потребность самореализовать себя в своих отношениях с окружающим миром, включая и аудиторию.

Такова функциональная основа текста как жанра.

3. Потребность самореализации порождает у автора публицистического текста желание добиться оптимального результата при передаче сообщения потребителю информации.

Так возникает необходимость совершенствовать методы исследования действительности с помощью определенных жанров.

4. Сохраняя максимальную объективность при обработке получаемой информации, автор

публицистического текста стремится максимально активизировать субъективные механизмы восприятия сообщения, что, в конечном счете, обеспечивает жизнь публицистическому произведению, как особому способу воздействия на аудиторию.

В этом заключена содержательная составляющая публицистического произведения как жанра.

5. Воздействие произведения на аудиторию в значительной степени определяется стремлением автора эстетически оформить сообщение, сделать его привлекательным — доступным для понимания и удобным в восприятии при передаче по каналам массовой коммуникации.

К этому сводятся признаки формы публицистического произведения как жанра.

Взаимосвязь этих причин, с одной стороны, выявляет категориальные признаки публицистического произведения как жанра, а, с другой, объясняет природу его целостности.

Именно из такого взаимодействия формы и содержания публицистического произведения, «рождающего» конкретный жанр и возникает явление, которое М. Бахтин назвал «жанровой сущностью текста» [1].

Жанр — это всегда диалог автора с самим собой, с окружающим миром и с аудиторией, данный текст воспринимающий.

Жанр — это всегда инструмент анализа, обличающего понимание точки зрения автора на происходящее.

Жанр — это авторское целеполагание, оптимально реализующее решение конкретной творческой задачи.

Публицистическое пространство жанра опирается на два базовых понятия — «Я» и «Почему»? обретающих единство в разнообразных эстетических формах, за которыми стоит стремление автора к постижению истины.

Автор существует в жанре в эстетической форме субъекта высказывания (биографической личности, образа автора, героя-рассказчика, условного повествователя). Он всегда — нарратор, определенным образом строящий свои отношения с аудиторией.

В этой связи следует напомнить о механизме функционирования информационно-коммуникативной системы, состоящей из четырех звеньев: реальный мир автора — произведения — аудитории. *См. рис. 1.*

Реальность

Побуждение Постижение

Сотворчество Аудитория Автор Творчество

Переосмысление Преобразование

Произведение

Нетрудно увидеть, что энергия системы определяется взаимодействием четырех «П» —

постижением», «преобразованием», «переосмыслением», «побуждением». Эти компоненты информационно коммуникативной системы дают возможность увидеть, как творчество автора запускает механизм сотворчества аудитории.

Нетрудно увидеть и другое — автор и аудитория партнеры в своем диалоге друг с другом: автор предлагает свою точку зрения на происходящее, зафиксированную в тексте публицистического произведения; аудитория воспринимает эту точку зрения как гипотезу, переосмысливает, соотнося свое представление о реальности с ее отражением в конкретике жанра и игрой своего воображения предлагает свой взгляд на реальность.

Процесс переосмысления произведения, созданного автором активизирует у аудитории процесс побуждения к действию, под которым подразумевается не только определенный ролевой акт, но и акт эмоциональный — возникновение переживаний, связанных с прочтением произведения.

Формально автор — лишь звено информационно-коммуникативной системы, фактически он — творец виртуального мира, обретшего свою жизнь в слове субъекта высказывания. Значимость сказанного определяется выбором субъекта сознания.

Личностное начало — определяющий признак жанра.

Инструмент, с помощью которого автор заявляет о себе, — слово. У каждого жанра — свой тип слова, свой тип мышления, свое оформление мысли, своя энергия развертывания повествования.

Эстетика публицистического жанра — это искусство создания документально подтвержденного образа мира индивидуально-неповторимым воспринимающим сознанием.

В современных СМИ публицистический образ носит все более очевидный мультимедийный характер — в его создании участвуют слово, цвет, звук, визуальные и технологические средства (графика, монтаж, ракурс, кадр). Мультимедийность проникает сегодня и в печатные СМИ — цвет, рисунок, фотография, диаграмма становится сегодня заметным приемом публицистического обобщения, оказывающим эмоциональное воздействие на аудиторию: зрительный ряд газетной полосы перестает быть дополнительным средством информации, становится равноправным участником диалога с аудиторией.

Тем не менее слово по-прежнему господствует на газетной полосе. В свое время М. М. Бахтин писал о трех типах прозаического слова: изображающее слово автора, изображенное слово героя и слово, с установкой на чужую речь, стилизованное, — сказовое слово [1]. Это наблюдение

ние сохраняет свое значение и применительно к публицистическому слову, воплощенному в конкретном жанре.

В публицистическом произведении слово принадлежит, как правило, биографическому автору, то есть субъекту высказывания, четко вписанному в пространственно-временные координаты.

Субъект высказывания в публицистическом произведении — реально существующая личность, часть социума, отражающая и выражающая его интересы. В силу своего положения публицист выступает носителем *авторитетного* слова. Не навязывая жестко аудитории своей точки зрения, автор стремится к тому, чтобы его голос не был растворен в общем хоре иных высказываний.

Ресурс авторского авторитета — это ресурс творца, эксперта, специалиста, художника, способного предъявить аудитории аргументы, которые та не в состоянии самостоятельно сформулировать. На стороне публициста его наблюдательность, его аналитичность, его умение формулировать мысль, его остроумие, его острый слух (т. е. умение улавливать настроение аудитории), его литературное мастерство.

Публицист обязан уметь небанально решать любую творческую задачу. В этом заключается его профессиональное достоинство.

Уровень внешнего присутствия автора в том или ином жанре различен: между традиционно обезличенным словом в заметке и персонификацией текста в колонке, эссе, фельетоне — дистанция огромного размера, но и в том, и в другом случае автор отсылает аудиторию к своей точке зрения на происходящее.

Этот отсыл осуществляется прежде всего за счет *отобранного* слова. Такова первая эстетическая особенность публицистического произведения как жанра.

Отобранное слово — это не просто интерес к метафоре, сравнению и другим тропам. В слове фиксируется точка зрения автора, основная мысль сказанного, его конструкция. Л. Выготский справедливо писал: «Мысль — это соединение чего-то с чем-то» [1]. Сам выбор жанра уже диктует характер дальнейшего повествования и вариант исследования процессов, протекающих в обществе.

Живая кровь мысли подпитывает слово — звучащее, письменно зафиксированное, импровизационно брошенное.

Впрочем, публицистика к импровизации относится осторожно.

Говорят те, кому есть что сказать.

В публицистическом произведении смысловое пространство высказывания определяется соединением факта с его оценкой субъектом вы-

сказывания. Эта оценка эстетически «упакована» в жанр. Отсюда вторая особенность эстетики жанра — *соразмерность* факта и мнения. Зависит эта соразмерность от задачи, решаемой публицистом.

Мнение — незашифрованное, демонстративное, отчетливое — господствует в статье, корреспонденции, комментарии, рецензии. Факт преобладает в заметке, реплике, обзоре, обзоре. Образ — в очерке, фельетоне, эссе, памфлете, в колонке (чью жанровую состоятельность еще предстоит доказывать).

Проблема взаимоотношения мнения и факта остро ставит вопрос о специфике *взаимоотношений времени и пространства в публицистике*.

Специфическая организация времени пространства в публицистическом произведении определяется прежде всего тем, что автор, обращаясь к тому или иному жанру, интенсивно преобразует реальное время и пространство, подчиняя его решению своих творческих задач. К тому же в большинстве случаев время повествования и время события изначально разъединены (за исключением функционирования текста в режиме on-line). Таков третий эстетический признак жанра.

И, наконец, четвертая эстетическая особенность публицистического произведения как жанра — соединение воедино понятия и образа (высшая ступень здесь — понятие через образ, свойственная фельетону, очерку, памфлету, эссе). Образное начало реализуется в публицистике не только благодаря речевым ресурсам, но и в создании образа автора как субъекта высказывания, в создании образов действующих лиц как реальных субъектов исторического процесса и в создании образа аудитории, воспринимающей текст.

Поскольку публицистическое произведение обладает ретроспективными связями (памятью текста, памятью жанра) и перспективными отношениями (презентацией авторских прогнозов), поскольку всякое сообщение и авторское высказывание существует в системе контекстных отношений и смыслового подтекста, постольку возникновение понятий образ «автора» и образ «аудитории» носит закономерный характер.

Кстати сказать, именно наличие затекстового пространства в публицистике (текст знает больше того, о чем он формально повествует), превращает высказывание автора в произведение, аналогичное художественному высказыванию.

Традиционно считается, что важнейшим признаком публицистического произведения является его документальное начало. Однако, если принять за основу положение о том, что публицистика особый вид творческой действительности, призванной активно воздействовать на аудиторию по каналам средств массовой

коммуникации, то станет понятным, что уровень этого воздействия определяется не только характером того, *что* сообщает автор аудитории, но и тем, *как* он это делает.

Таким образом, мы вправе говорить о сближении понятий «поэтика художественного произведения» и «поэтика публицистического произведения», не отменяет и их принципиальных различий.

Художественное произведение — эстетически преобразованная воображением художника картина реального мира, опирающегося на систему образов, рожденных фантазией творца.

Публицистическое произведение — эстетически преобразованная мыслью публициста картина реального мира, опирающегося на документальное ее подтверждение с помощью прямых рассуждений, включающих в себя прочную взаимосвязь понятий и образов.

Художественное произведение, как правило, монологично: художник разговаривает с Богом, с вечностью.

Публицистическое произведение не может не быть диалогом: публицисту необходим конкретный контакт с аудиторией, с обществом, с современностью.

Именно поэтому так важен публицисту выбор жанра при решении конкретной творческой задачи.

Жанр — посредник между автором и аудиторией, он помогает понять друг друга и закономерность окружающего их мира.

Разумеется, если разгадан код произведения.

Жанр представляет определенным образом упорядоченную картину мира, созданную воображением автора. Сложность позиции публициста заключается в том, что он, говоря словами М. М. Бахтина, имеет дело с «неготовой» действительностью.

«Жизнь без начала и конца» — это и о публицистике сказано: публицистическое произведение — это фрагмент реального события с неизвестным финалом. А зачастую — и с не вполне проверенными фактами, суть которых еще предстоит уточнить.

Отсутствие исчерпанности факта подпитывает авторскую фантазию, рождает потребность в достраивании недостающих фрагментов происходящего, усиливая тем самым авторскую субъективность и — одновременно — усиливая ответственность за каждое высказанное слово, за достоверность создаваемой им картины мира.

Автор из хаоса отбирает существенное, опираясь на собственное наитие, но при этом стремится к оптимальному решению творческой задачи — созданию достоверной картины действительности.

Тому способствует выбор жанра.

Можно ограничиться фиксацией происходящего, можно предложить образную картину мира, можно выявить закономерности происходящего в системе рассуждений, но в любом случае автор учитывает как ожидание аудитории, так и собственные возможности в анализе имеющихся в его распоряжении фактов.

И тут возникает проблема *имени*, как эстетического феномена.

Отобранное слово — это *живое* слово субъекта высказывания. Оно демонстрирует особость синтаксических конструкций, своеобразие лексики, интонационную специфику, специфический ритм и, разумеется, оригинальность самой авторской мысли.

Специфика публицистического слова — в его диалогичности, в поисках живого отклика аудитории.

Аудитория откликается на имя. На точку зрения на характер разговора — доверительный, иронический, серьезный, рассудительный.

Аудитория ищет контакт с автором.

Именно поэтому публицистическое произведение — это монолог, оборачивающийся диалогом.

Авторское самовыражение — это особая форма монолога, предназначенного для чужих ушей.

Иначе — какой смысл в тиражировании своего потока сознания?

Жанр — это авторское послание аудитории, рассчитанное на понимание и безусловный отклик.

Код, расшифрованный аудиторией, не просто должен быть принят к сведению — он должен быть сочувственно осмыслен.

Так возникает проблема со-бытия.

Текст как жанр отграничен от других элементов газетной полосы, ТВ- и РВ программ именем автора.

Имя — рубеж, за которым иная жизнь.

Автор — знак рубежа повествования.

Одножанровые тексты, собранные вместе и стоящие безымянно, обезличенно, образуют своеобразное жанровое новообразование — подборку. Тем самым подтверждается давняя историческая закономерность — жанр рождается благодаря линейке метранпажа.

А еще — благодаря имени автора произведения.

Фельетон из рубрики превратился в жанр, не тогда, когда его отсекала от остальных материалов линейка, а тогда, когда разрозненные заметки о погоде, театральных новостях и исторических событиях объединяла фамилия фельетониста.

Например, аббата Жоффруа.

К анонимным текстам интерес в сегодняшней прессе невелик.

Отсутствие имени — возможный сигнал недо-
стоверности передаваемой информации.

Анонимный текст менее авторитетен.

Коммуникативная цепочка «автор-произ-
ведение-аудитория», утратив автора, теряет свой
функциональный ресурс.

Психологически такое ослабление внимания
объяснить нетрудно.

Утрата имени — это утрата энергии, под-
питывающей произведение. Событие перестает
быть со-бытием.

В публицистике со-бытие — неперенный
энергетический ресурс существования произве-
дения в пределах общественного диалога.

Автор и аудитория ощущают себя равно-
правными участниками общения, равновеликими
субъектами бытия. Жанр помогает им найти друг
друга в бесконечном пространстве информации.

Автор организует повествование в интересах
аудитории.

Аудитория стремится к познанию мира и по-
знанию себя благодаря идейно-эстетическим
усилиям автора.

От чего зависит авторитет авторского слова?

Во-первых, от отбора фактов, предъяс-
ленных аудитории. Строго говоря, факт может
быть интересен аудитории и без авторского
вмешательства — своей релевантностью, своей
масштабностью, своей небанальностью, своей
не исчерпанностью, своей непредсказуемостью.
«Неготовая» действительность подталкивает
аудиторию к со-размышлению вместе с автором.

Так возникает проблема «незавершенно-
сти» вещи, о которой писал М.М.Бахтин: «Ни
в одной области идеологического творчества,
кроме искусства, нет завершения в собствен-
ном смысле слова. Всякое завершение, всякий
конец здесь условен, поверхностен, и чаще
всего определяется внешними признаками, а не
внутренней завершенностью и исчерпанностью
самого объекта <...>».

Каждый жанр — особый тип строить и за-
вершать целое, притом, повторяем, существенно,
тематически завершать, а не условно кончать».

Бытие бесконечно, и эта бесконечность
транслируется в непрекращающихся диалогах
автора и мира, аудитории и мира, аудитории
и автора.

Аудитория нуждается в собеседнике, в не-
прерывно работающей «завалинке», снабжающей
всех желающих фактами, оценками, мнениями.

Роль такой «завалинки», где любая новость
обсуждается, выполняют СМИ. При этом «за-
валинка» реагирует не только на сам факт,
но и на характер его объективными реалиями
окружающего мира. Авторское высказывание
должно быть достоверно и убедительно в глазах

аудитории, поскольку его главная задача — вы-
явить закономерность происходящего, показать
причинно-следственные связи, породившие факт,
события, проблему.

Очевидная диалектика взаимоотношений
автора с реальным миром заключается в том, что
в публицистическом произведении «хозяйничает»
нарратор-рассказчик, действующий *во времени
и пространстве автора*. В то время как повествует
он о том, что связано со временем и простран-
ством события. В результате возникает особое
нарративное времяпространство, свойственное
публицистическому тексту как единому целому.

Существенные признаки нарративного хро-
нотопы:

Максимальная актуализация пространствен-
но-временных координат в описании события.

Жесткая фиксация авторского местоположе-
ния по отношению к описываемому.

Прочная связь уровня авторского присут-
ствия в тексте с особенностями жанра.

Демонстративный характер взаимоотноше-
ний автора текста с персонажами его повество-
вания.

Художественное и публицистическое время
и пространство принципиально отличаются от
реального времени и пространства. Специфика
хронотопа как эстетического феномена в публи-
цистическом тексте определяется тем, что автор
преобразует время и пространство в повествова-
нии в связи с теми задачами, которые он решает
в конкретном тексте.

В публицистике времяпространство принци-
пиально дискретно, асинхронно, смоделировано.

Для публицистического хронотопа свой-
ственна и ретардация (задержка повествования)
и ускорение, и локализация, и паузы, связанные
с включением в текст рассуждений автора, описа-
ний, необходимых справочных сведений.

Публицистическое времяпространство всег-
да условно, а потому — иллюзорно, виртуально
и живет по законам авторской логики, а не реаль-
ного логики происходящего. Тут нет несколько
противопоставления реальности и творческой
фантазии. Публицистической хронотоп опира-
ется на логику авторского замысла, подвергаю-
щего реальность необходимой деформации, не
меняющего — это важно подчеркнуть — сути всего
происходящего.

Виртуальность существующего в публици-
стическом тексте мира открывает автору-творцу
свободу для маневра, хотя ясно, что возможности
публициста как демиурга ограничены необходи-
мостью соразмерить свою фантазийность с до-
кументальной достоверностью происходящего.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод
о том, что публицистическое произведение, функ-

ционирующее в определенной жанровой оболочке открывает перед творцом огромные возможности воспроизведения процессов, протекающих в мире.

В своей совокупности жанры не просто дают представление о реальности, которую они отражают — публицистическое произведение, упакованные в определенную жанровую оболоч-

ку, участвуют в формировании самой аудитории, а шире — в формировании общества, готового осмыслить суть жизни в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М., 1963. — С. 233.

РИС. 1.

Кройчик Л. Е.
 Доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета факультета журналистики.

Kroichik L. E.
 Doctor of Philology, Professor of the Chair of History of Journalism and Literature.